

Солнце садилось за высокие горы Хеджаза. Длинная тень большой мечети уже касалась верхней части крыш соседних домов. В это время из одного бедного жилища вышел Аль Багум. Он шел, не глядя по сторонам, его занимали тяжелые мысли. Так пересек он самые бедные из двадцати четырех кварталов священного города мусульман Мекки, и наконец вышел на песчаную равнину, которая окружает город, узенький ручей перерезал ее.

Аль Багум дошел до заводи ручья, над которой поднималась стена отвесных скал. Над поверхностью воды тянулась сероватая дымка, на берегу квакали лягушки. Бедняк опустил на колени и сказал:

— Аллах, за что ты посылаешь мне такие ужасные испытания? Мой дом и магазин сгорели, все мое состояние пропало, моя семья голодает. Люди, которые, когда я был богат, казались моими друзьями, оставили меня! За что, за что это, Аллах?

Но ему ответил только хор лягушек.

Вдруг он услышал плеск и отчаянный крик:

— Помогите, спасите!

Заметив на воде круги от падения тела, Аль Багум бросился на помощь тонувшему и вскоре, несмотря на темноту, увидел всплывший край плаща, схватил его и вытащил несчастного на землю.

Перед ним был маленький старичок. Он раза два чихнул, после этого совсем оправился, посмотрел на Аль Багума светлыми глазками, блестящими из-под темных сдвинутых бровей, и произнес:

— Благодарю тебя, брат мой, ты спас мне жизнь, хотя я не могу сказать, сделал ты мне благодеяние или оказал дурную услугу.

— Разве ты должен жаловаться на судьбу?

— Да, — ответил старик, — у меня нет семьи, никто меня не любит, и я не имею средств к жизни. Кроме того, мне больше семидесяти лет.

— Вот еще человек, который проклинает жизнь, — прошептал Аль Багум.

Старик услышал этот шепот и сказал:

— Нет, я ее не прокливаю. Но почему ты, — продолжал он, — бродишь здесь один? Ты, вероятно, тоже не особенно счастлив.

— Да, — ответил Аль Багум. — Я был богат, но у меня все сгорело: дом, все вещи, товары. В довершение несчастья заболела моя жена, и сегодня у моих детей в первый раз нет ни куска хлеба. Еще хорошо, что добрая соседка принесла им поесть. Но, — прибавил Аль Багум, — мне прежде всего следует постараться помочь тебе. Пойдем со мной. Крошечная каморка, в которой мы живем, достаточно велика, чтобы ты мог переночевать в ней, там по крайней мере ты не будешь под открытым небом и обсушишь твои одежды.

— Пожалуй, — сказал старик, — я пойду с тобой. Аллах заплатит тебе мой долг.

— Я верю в справедливость Аллаха, — ответил Аль Багум, — но я зову тебя к себе, не думая о награде, поверь мне.

— Так-то оно так, — сказал старик, — а между тем гении земли будут тебе покровительствовать! Я, Селим, ручаюсь тебе в этом.

— Аллах велик, — просто ответил Аль Багум.

Семья Аль Багума жила в небольшой комнатке, уцелевшей от пожара и прежде служившей кладовой. Медже, жена Аль Багума, поддерживала в ней порядок с помощью своей подруги, бедной вдовы Зораиды.

Когда Аль Багум открыл дверь в жалкое жилище, он увидел, что его жена сидит на табурете и горько плачет. Зораида и дети Аль Багума, сын Ахмед и дочь Марджиана, старались утешить мать.

— Какое новое несчастье поразило нас? — спросил Аль Багум.

— Ах, — ответила Медже, не замечая Селима, — сюда опять приходил Мук и требовал, чтобы мы отдали ему двести цехинов, которые ты у него взял. Я его умоляла подождать, но он говорит, что если не получит деньги сегодня, то завтра же велит продать все наши уцелевшие вещи.

— Пусть свершится воля Аллаха, — просто ответил Аль Багум. — Лучше потерять все, чем быть таким злым, как этот старый Мук. Однако, — прибавил он, — позаботимся о госте, которого я привел сюда.

И он рассказал все, что случилось. Говоря, Аль Багум подбросил в очаг несколько сухих веток, огонь запылал ярче.

Вскоре Медже и Зораида разложили в углу комнаты циновки из маисовой соломы, на которые улеглись Аль Багум и Селим. В противоположном углу они повесили гамак для детей.

На следующий день рано утром раздались сильные удары в дверь. Аль Багум понял, кто пришел, но тем не менее отворил дверь. В комнату почти вбежал худой старик с непомерно длинными, двигавшимися, как у осла, ушами, которые торчали по обе стороны широкого тюрбана. Это был Мук. Голос его тоже напоминал крик осла.

— Угу, это я, — сказал он Аль Багуму. — Ну, где же мои двести цехинов?

Говоря это, он насторожился и повернул уши в сторону Аль Багума, точно не желая пропустить ни одного его слова.

Аль Багум ответил, что он уплатит ему деньги, как только заработает что-нибудь, но Мук закричал:

— Я велю приставу, служащему у кади, унести все, что ты имеешь, и продать.

— Да ведь тебе не дадут за мое имущество больше пятидесяти цехинов, — уверял Аль Багум. Но Мук не стал слушать его и ушел, хлопнув дверью.

Взволнованный Аль Багум решил немного пройтись, поцеловал Медже и детей и вышел вместе с Селимом.

Селим повел его за город. Разговаривая, они вошли в длинную густую тенистую аллею, которая вела к гробнице знаменитого паши Халед Омара.

Эта белая мраморная гробница была очень красива и сверкала на солнце. Большие кокосовые пальмы бросали на нее тень. Надо сказать, что, уходя из дома, Аль Багум захватил с собой корзинку, надеясь набрать в нее кокосовых орехов, свалившихся с пальм, и действительно принялся поднимать их. Селим помогал ему.

Окончив это дело, бедный араб и старик сели на скамью близ гробницы.

— Что будет со мною, когда Мук унесет все мои вещи, — сказал Аль Багум. — Ведь продолжать торговать материями я не могу, у меня нет денег на их покупку, и никто не доверит мне товаров в долг. Что делать?

— Ты добр, честен и достоин быть богатым, — заметил Селим. — Посмотри-ка, что это блестит у твоих ног?

— Маленький стальной ключик, — ответил Аль Багум.

— Возьми его, может быть, случайность даст тебе счастье, — проговорил старик и, указывая на железную дверь, которая закрывала вход в гробницу, прибавил: — Попробуй, не откроет ли ключ этого замка?

Аль Багум послушался. Едва он вставил ключ в ключ ибиса, который служил замком, как дверь скользнула в сторону, и он увидел что-то вроде темной передней. Аль Багум остановился.

— Иди, — прозвучал за ним торжественный голос Селима.

Аль Багум переступил через порог. В то же мгновение чугунная дверь с грохотом закрылась.

— Селим, Селим! — закричал Аль Багум, но старик не ответил. Аль Багум стоял один в темноте. Ему было немного страшно. Он поворачивался в разные стороны, ощупывал стены, вытягивал руки, делал шаги, не зная, куда идти, и решил не двигаться, пока его глаза не привыкнут к темноте. Вскоре он действительно начал различать предметы и наконец увидел, что стоит в большом зале, который, казалось, был гораздо шире и длиннее, чем вся гробница Омара. В противоположном его конце мерцал слабый свет, озарявший вход в галерею. Аль Багум вошел в этот коридор.

Долго-долго шел он по нему, наконец очутился в другом большом зале, который имел форму восьмиугольника. В нем горело что-то, и вскоре Аль Багум увидел, что свет расходится от маленького фонарика, такого маленького, что он мог поместиться в ладони человеческой руки. Фонарь этот состоял из одного бриллианта и бросал необыкновенно яркие то красные, то зеленые, то желтые, то голубые лучи, словом, всех цветов радуги. Порой они все угасали, и тогда фонарь делался молочно-прозрачным, как опал. Казалось, будто этот фонарик живет и чувствует.

Аль Багум подошел к подставке, на которой он стоял.

— Возьми меня, — сказал фонарик.

Онемевший от изумления, Аль Багум неуверенно протянул руку к странной маленькой драгоценности.

— Ну, ну, смелее, — продолжал фонарик.

Аль Багум взял его. Внезапно из фонаря упал голубой луч и осветил половину зала. Удивительную картину увидел бедный араб. Перед ним открылось множество комнат и коридоров, залитых спокойным светом. Их потолки были сделаны из бирюзы цвета небесного свода, а на этой лазури белели жемчужины, походившие на звезды. Справа и слева спускались мраморные лестницы, на которых сидели неподвижные ибисы. Всюду виднелись алебастровые вазы, полные голубых, точно дремавших цветов.

Там и сям на мягких бледно-розовых подушках лежали красивые молодые люди и тоже не то спали, не то мечтали. Время от времени молчаливый негр, одетый в серебряные парчовые одежды, проходил между ними и на подносе, сделанном из горного хрусталя, подносил им маленькие сапфировые чашечки с изумрудными ручками, полные вкусных напитков из лепестков неньюфара.

Аль Багум сделал несколько шагов дальше и увидел красивых девушек, отдыхающих в серебряных гамаках. Розовые гирлянды украшали их светлые волосы, их мягкие воздушные одежды казались нежным туманом. Они смотрели на Аль Багума, но не улыбались, и глаза их были тусклы.

Аль Багум прошел еще дальше и остановился: перед ним был необыкновенно нарядный храм. Его стены, сделанные из розового порфина, были украшены золотом, и над ним высился купол из страусовых перьев, которые слегка покачивались от легкого ветра. Клубы ладана и мирры поднимались из серебряных курильниц, стоявших вокруг золотого ложа с перламутровыми украшениями.

— Это храм отдыха, — тихо прошептал фонарик, который Аль Багум невольно сжал.

На ложе было распростерто божество храма. Оно не двигалось и напоминало статую. Подойдя немного ближе, Аль Багум увидел женщину с красивыми чертами лица, с гладким лбом, с ничего не выражающей улыбкой и бессмысленным взглядом.

Увидев Аль Багума, она приподнялась и сказала голосом ровным и ясным, как кристалл.

— Все идет, все меняется, одна я остаюсь неподвижной. Ничто меня не смущает, я никогда не знала радостей, горе мне тоже незнакомо, ни веселье, ни печаль не волнуют меня.

Несколько мгновений Аль Багум стоял неподвижно, потом, точно очнувшись ото сна, громко закричал:

— Нет, нет, не хочу этого покоя! К жизни, к жизни!

И он побежал, сам не зная куда. Все исчезло. Он снова стоял в восьмиугольном зале.

— Ты хочешь жизни? — спросил фонарик, — смотри же!

Из него вырвался луч цвета золота, осветил зал и как бы разрушил одну из его стен. Перед глазами изумленного Аль Багума появился чудный сад, сад жизни. Он увидел изумительно красивые растения со странными листьями, с дивными цветами и плодами. Повсюду журчала вода, со всех

сторон неслись живительные ароматы, справа и слева раздавалось сладкое птичье пение, в траве жужжали насекомые.

«Какое светило оживляет эту изумительную природу?» — мысленно спросил себя Аль Багум.

— Работа, труд, — ответил тоненький голосок фонарика.

Скоро Аль Багум задумал утолить жажду, которая мучила его. Перед ним как раз стояло дерево, покрытое мясистыми, сочными, очень привлекательными ягодами. Аль Багум уже хотел протянуть руку за одной из них, как вдруг вспомнил, что он не имеет права рвать их с дерева, которое не принадлежит ему. В ту же минуту он увидел бассейн с прозрачной водой, падавшей со скал, прячущихся под цветами.

«Вода принадлежит всем», — подумал Аль Багум и, наклонившись к бассейну, прильнул к нему губами.

Едва он сделал несколько глотков, как почувствовал в себе сверхъестественную силу. Все его тело стало гибче и сильнее, чем прежде, и ему показалось, что сердце забилося с новой силой.

— О, как приятно жить, — воскликнул он. — Откуда во мне столько сил и мужества? Не от этой ли живительной влаги?

— Да, — ответил фонарик, — это волшебная вода. Она охраняет от всех болезней, снимает усталость и дает силу. Благодаря ей человек всегда остается молодым. Только если выпить ее два раза, человек умрет.

Аль Багум, вторично наклонившийся было к источнику, сразу выпрямился и поднял голову. Он вздрогнул от изумления — перед ним стоял удивительно красивый и улыбающийся ему молодой человек. Аль Багум не слышал, когда он вошел. Больше всего араб удивился, заметив, что этот красавец похож на его старого друга Селима.

— Почему ты смотришь на меня так пристально? — спросил красавец.

— Потому что ты удивительно похож на человека, которого...

— Ты спас?

— Как! Ты...

— Да, я Селим, но не бедный и старый Селим, мое настоящее имя Амжиад — гений благодарности. Чтобы отблагодарить тебя, я сделаю тебя богатым. Я не оставлял тебя и незаметно следил за тобой, зная, что ты напьешься из этого источника и не дотронешься до тех сочных плодов. Я остановил бы твою руку, но радуюсь, что ты сам не сорвал плодов, которые показались тебе привлекательными. Знай, они растут на дереве бед. Оно само собой зародилось в царстве жизни. Напрасно его вырывают — оно снова вырастает, и в каждом из его плодов под красивой оболочкой кроется тонкий яд. Все остальное принадлежит тебе: плоды, цветы, весь сад, все сокровища, все рабы, все рабыни.

— Зачем ты искушаешь меня, Амжиад? — спросил Аль Багум. — Я ничего не сделал, чтобы получить это богатство. Можно наслаждаться лишь тем, что приобретено собственным трудом. Я прошу тебя только дать мне средства снова отстроить мой дом и начать торговлю. Остальное сделают покровительство Аллаха и мое собственное прилежание.

— Хорошо сказано, — заметил гений. — Возьми этот кошелек, в нем достаточно денег на постройку дома, о товаре не беспокойся — я сам позабочусь о нем.

— Как тебя благодарить, добрый гений! — воскликнул Аль Багум.

— Будь только счастлив, вот и все, — ответил Амжиад.

— Разве я тебя не увижу больше? — спросил Аль Багум.

Помолчав немного, гений произнес:

— Я живу в центре Африки, и только иногда отдыхаю в этой гробнице и в некоторых других. Но если тебе когда-нибудь понадобятся помощь и покровительство, ты найдешь помощника в фонарике, который сам предложил тебе взять его. В случае нужды дотронься до него рукой и громко произнеси свое желание — оно исполнится. Но помни: все сделанное с помощью фонарика может быть уничтожено только моей силой. Иди же домой, сын мой, и, смотри, никому не говори настоящего имени старого Селима. Твоему счастью станут завидовать люди, прощай! Пусть Аллах

руководит тобою!

Аль Багум хотел было ответить, но гений исчез, а вместе с ним плоды, цветы, сад, бассейн. Кругом сгустилась тьма.

— Почему же ты не выходишь? — вполголоса спросил фонарик.

Аль Багум протянул руку, и перед ним открылась дверь. Он переступил через порог гробницы. Железная дверь с грохотом закрылась, и он очутился под яркими лучами света, возле корзины, которую недавно поставил под одной из больших кокосовых пальм.

Аль Багум весело побежал домой. Дома его встретила взволнованная Медже и рассказала, что без него случилось много неприятного. Приходил Мук с приставом и унес весь их бедный скарб, чтобы продать его за долг. Детей увела к себе Зораида, обещала накормить их чем придется и уложить спать.

— Успокойся, моя бедная Медже, — сказал Аль Багум. — Я принес в дом счастье. Видишь вот этот кошелек, в нем достаточно денег, чтобы заново отстроить дом.

— Аллах! — закричала Медже, — кто же дал тебе эти деньги?

— Мне их подарил один могучий покровитель, но кто он, я не смогу сказать, он запретил мне говорить его имя.

В эту минуту на пороге пустой комнаты показались два черных невольника. Оба держали по маленькому ящичку из сандалового дерева. Они весело засмеялись, низко поклонились и поставили ящички на пол.

— Хи, хи, хи! Вот и домашние вещи, — сказал один.

— Хо, хо, хо! Вот и товары, — сказал другой.

И, не дожидаясь ответа Аль Багума, прибавили:

— Без благодарностей! Нам запрещено слушать их. Наш господин благодарен. Красивые вещи! Прекрасные товары! Аль Багум доволен? Прощайте!

Они, исчезли. Медже ничего не понимала, да и Аль Багум тоже. Его удивило, что ящички с домашними вещами и с товарами были так малы.

«Уж не хотел ли гений посмеяться надо мной?» — подумал было Аль Багум, но мысленно прибавил: «Впрочем, стыдно мне сомневаться в его благодарности. В свое время все объяснится».

В этот вечер Аль Багум заснул счастливый, с надеждой на будущее.

— Пора, пора вставать, уже рассвело, — прозвучал тонкий голосок над ухом Аль Багума. Он невольно открыл глаза, подумав: «Кто это говорит?»

— Как? Ты не узнаешь меня? — продолжал голосок. — Это я, твой фонарик. Вставай же, вставай.

«Гм, гм, — подумал Аль Багум. — Мне кажется, гений дал мне не только помощника, но и наставника».

С этого дня началась постройка дома. Однако как ни торопил Аль Багум работников, дело шло медленно.

— Ах, — сказал он однажды, — как бы мне подогнать этих ленивых и медлительных людей?

— Очень просто, — послышался из его кармана тоненький голосок фонарика. — Обратись ко мне.

— Подгони их, — попросил Аль Багум.

— Вынь меня, — сказал фонарик. Аль Багум так и сделал.

Фонарик направил на работников красные лучи. В ту же минуту все они принялись работать с удивительной быстротой. Их можно было принять за пчел в улье. За три часа было закончено дело, на которое следовало потратить шесть недель. Мечта Аль Багума исполнилась. У него снова был хороший дом.

— Откуда же мне взять мебель и все домашние вещи? — прошептал Аль Багум, потирая лоб.

— А то, что подарил тебе гений? — напомнил фонарик.

Аль Багум вспомнил о ящичках, которые он оставил в той комнате, в которой жил прежде, и решил открыть один из них при жене и детях. Все с удивлением увидели, что в ящичке лежали вещи, необходимые для мебелировки маленького кукольного домика. Ахмед и Марджиана закричали от радости, Аль Багум же подумал: «Вот этого-то я и боялся». Тем не менее он

осторожно взял турецкий диван, бывший не длиннее указательного пальца, и поставил его к стене. Увидев это, Медже и дети громко захохотали, но они перестали смеяться, увидев, что диванчик все растет и растет, наконец он сделался настоящим большим диваном. То же случилось и со всеми остальными вещами — столами, коврами, этажерками, подушками, всеми принадлежностями кухни и т. д.

— А вот гамаков-то у нас и нет, — плаксивым голосом сказала Марджиана.

— А это что? — в то же время спросил Ахмед, вынимая из ящичка две сеточки, золотую и серебряную. Это были крошечные гамаки, как бы сделанные для маленьких кукол. Дети пришли в восторг от игрушек, но Аль Багум расправил их и внимательно рассмотрел. «Гамак Ахмеда» — написано было на одном. «Гамак Марджианы» — виднелось на другом. Аль Багум повесил их, и гамаки вскоре увеличились до нормальных размеров. Дети были в восторге. Медже тихо молилась.

— А что это? — спросила вдруг Зораида, придвигая к себе второй ящичек. — Почему на нем написано «товары»?

Аль Багум открыл ящичек. В нем лежало множество ковров, недорогих тканей, мехов, кашемиров, материй, вытканых золотом и серебром, бабуш, драгоценностей, трубок, разного оружия, словом, всего, что должно продаваться в восточной лавке. Только все эти вещи были крошечные, точно для кукол. Тем не менее и с ними повторилось то же, что было с мебелью. С помощью Зораиды, Медже и детей Аль Багум приводил в порядок свои товары.

С этого дня дела Аль Багума совсем поправились. Он был благоразумен, честен и трудолюбив, а потому ему не пришлось прибегать к помощи фонарика. Зораида управляла его магазином, который стал самым богатым в Мекке. Все были счастливы.

Между тем старый Мук, который жил на другом конце громадного города, удивлялся, что он ничего не слышит о своем должнике.

«Не посмотреть ли мне, что он делает», — однажды подумал недобрый человек. Придя к Аль Багуму, он изумился, увидев, как богато и хорошо живет он. Он насторожился, а лицо его приняло выражение сладкое и угодливое.

— Осмелюсь напомнить о вашем долге, — сказал он Аль Багуму.

— Да ведь ты продал все мои вещи, — заметил Аль Багум.

— Так что же? Я выручил за них всего двадцать пять цехинов.

И он заставил Аль Багума пойти вместе с ним к судье — кади. Там он потребовал у Аль Багума такие деньги, которых тот ему не был должен. Аль Багум согласился заплатить Муку его сто семьдесят пять цехинов, но отказался дать больше.

— Но, — сказал кади, — этот Мук уверяет, что ты богат. Почему же ты не соглашаешься заплатить ему столько, сколько он требует?

— Потому, — ответил Аль Багум, — что я ему должен только сто семьдесят пять цехинов, а не триста семьдесят пять, как он уверяет.

— Клянусь всем дорогим для меня, что он мне должен триста семьдесят пять цехинов! — закричал Мук. — Если я лгу, пусть Аллах тотчас же превратит меня в осла.

— Клянусь Магометом, — сказал Аль Багум, поднося руку к поясу, в котором лежал фонарик, — мне нужен осел для перевозки моего товара. Это будет отлично. Сделайся же ослом!

Кади невольно засмеялся, но вскоре побледнел, увидев, что уши Мука вытянулись еще больше, руки стали тоньше, пальцы превратились в копыта, все тело покрылось шерстью, а платье сделалось седлом. Через мгновение перед ним стояли не Аль Багум и Мук, а Аль Багум и осел.

— Друг мой, — сказал кади, — я вижу, что тебе покровительствует какой-то гений. Очевидно, ты честный человек, а Мук был мошенником. Садись же на твоего осла и поезжай домой.

— Господин кади, — ответил Аль Багум, — возьмите вот эти сто семьдесят пять цехинов, которые я должен Муку, и храните их, пока он не спросит у вас этой суммы.

— Угу, угу, — закричал осел, но кади не понял его. Он с удовольствием взял цехины и потер руки. По дороге к дому Аль Багум встретил бывшего друга Мука. Мук-осел захотел рассказать ему о своем несчастье, но только заревел по-ослиному.

— Славный голос у твоего осла, — посмеиваясь, сказал бывший друг Мука. — Но странно: ведь он похож на Мука, помнишь, на того ростовщика, который обошелся с тобой так жестоко. Этот Мук уверяет, что он дружен со мной, но это неправда, и я советую тебе остерегаться его.

— Конечно, — ответил Аль Багум. — Мук поступил со мной как мошенник...

В эту минуту осел так подпрыгнул, что Аль Багум чуть не слетел с него, но он раза два ударил его палкой, и Мук успокоился.

— Да, как настоящий мошенник, но я уверен, что он исправится.

Дети обрадовались, увидев, что Аль Багум привел им осла. Было приятно смотреть, как они гладили его, говоря:

— Ты похож на Мука, и мы тебя будем звать Мук-осел. Милый Мук-осел, добрый Мук-осел, мы дадим тебе овса и положим новенькую, свеженькую подстилку.

— Хорошо, дети, — сказал Аль Багум. — Я поручаю его вам. Ухаживайте за ним хорошенько. Он божье творение, а не игрушка. Смотрите, чтобы у него всегда было всего вдоволь.

Мука поставили в конюшню, сытно кормили, ласкали, даже давали сахар и мед, но Мук не мог забыть, что он еще недавно был человеком.

Однажды Зораида сказала Аль Багуму:

— Знаешь, Мук умер или уехал: о нем нет никаких вестей. Его наследники разделили все, что он имел.

В эту минуту Мук, стоявший возле крыльца, отчаянно закричал, начал прыгать и брыкаться. Дети, сидевшие на его спине, чуть не свалились. Чтобы удержаться, они уцепились за его уши, и это привело его в чувство.

«Зачем кричать, — подумал он. — Мук-осел не нуждается в том, что было так мило Муку-человеку! Подождем лучших дней».

Он потянулся к сочному толстому репейнику, любимому лакомству ослов, и стал смиренно жевать его, отгоняя хвостом мух.

Так прошли три года. Аль Багум все богател. Однако он часто бывал задумчив и грустен. Что печалило его? Добрый человек не мог быть счастливым, видя, что наказанный им Мук остается жалким ослом. Это очень огорчало Аль Багума, и так как он не мог превратить осла в человека без помощи Амжиада, он решил отправиться к гению и попросить его снять чары с несчастного.

— Мне нужно уехать, — сказал он жене, — и я не могу тебе сказать, сколько времени меня не будет. Но не бойся, меня охраняют гении земли. Может быть, тебе без меня понадобится поддержка или совет, и потому я поведаю тебе тайну, которую ты должна сохранить. Видишь этот фонарик? Он дал нам счастье. Когда тебе понадобится его помощь, сожми его в руке или дотронься до него и громко выскажи желание: оно тотчас же исполнится. Никому не говори об этом талисмани, потому что люди станут нам завидовать. Чтобы доказать тебе могущество фонарика, — прибавил он, улыбаясь, — я покажу тебе его силу.

— Ко мне конь и спутник! — повелительно произнес араб.

В ту же минуту у дверей дома послышались конский топот и ржание, а Марджиана и Ахмед, вбежав в комнату, громко закричали:

— Посмотрите, посмотрите, у нашего крыльца стоит чудный конь, весь в золоте, а за ним громадный верблюд и негр!

Медже подбежала к дверям и действительно увидела великолепного оседланного коня, громадного верблюда, нагруженного всем необходимым для путешествия, и негра, который улыбался, показывая два ряда белых, как слоновою костью, зубов.

— Вот видишь? — сказал Аль Багум.

Аль Багум простился с женой, с детьми и с доброй Зораидой, вскочил на коня и уехал в сопровождении негра. В этот день Медже долго плакала, сидя на пороге своего дома.

Выехав из Мекки, Аль Багум направил коня к гробнице Халед Омара, но несмотря на все попытки открыть ее дверь, это ему не удалось.

Черныш (так звали негра) сказал:

— Добрый господин, если ты ищешь гения, я укажу тебе к нему путь, но это далеко.

— Едем, — сказал Аль Багум.

Тронулись в путь. Несколько дней не случилось ничего, как видно, Черныш хорошо знал дорогу. На ночь он раскидывал палатку для своего господина и делал для него ложе из сухих трав, но часто, несмотря на усталость, Аль Багум не мог заснуть. Он вспоминал о Медже и детях и молил Аллаха сохранить их.

— Милые мои, — шептал он, — Медже, Марджиана, Ахмед.

— Что передать им? Я лечу туда, — однажды ночью проговорил вдруг незнакомый голос.

Аль Багум поднял глаза и увидел большого зеленого попугая, сидевшего на одном из шестов, которые поддерживали палатку.

Аль Багум уже привык к чудесам, а потому не удивился и только ответил:

— Кто бы ты ни был, красивый попугайчик, птица ты или гений, скажи им, что я их целую.

Попугай нахохлился, распустил крылья, кивнул головкой и сказал:

— Будет сделано. Смарагд дает в том слово, будет сделано!

Между тем Медже скучала без мужа. Однажды вечером она сидела и грустно смотрела на фонарик, который ей оставил Аль Багум, вдруг его молочно-белый цвет изменился, и из него вырвались яркие лучи.

— Мне скучно, — сказал тоненький голос.

Медже изумилась, потому что Аль Багум забыл сказать ей, что чудесный фонарик умеет говорить. Однако она вспомнила, что фонарик — вещь волшебная, и попросила его сказать, что делает Аль Багум. В то же мгновение послышалось:

— Смотри сама!

Одна из стен комнаты исчезла, и Медже увидела странную картину. На сухих листьях посредине шатра лежал Аль Багум, а вокруг палатки толпились разбойники.

Черныш спал возле своего верблюда. Два страуса стояли под пальмой возле негра и тихо разговаривали. Медже слышала все.

— Эти люди злее диких зверей, — прошептал один из страусов, — и, конечно, если их гонцы вернутся от жены Аль Багума без золота, разбойники его убьют. Это гонцы разбойников.

— Али Бажу и Бен Тамар, вероятно, уже недалеко от Мекки, — сказал второй страус. — Только бы им дали денег.

— Медже, Ахмед, Марджиана, — прошептал Аль Багум во сне.

— Ах, бедный, — продолжал первый страус, — он задыхается от жары.

— Пойдем, обвеем его нашими крыльями.

— И добрые птицы, подойдя к Аль Багуму, стали махать над ним своими большими крыльями.

— Зораида, Зораида! — отчаянным голосом закричала Медже.

Картина исчезла. В комнату вбежала Зораида, и Медже стала говорить ей о разбойниках, о кокосовых пальмах, о волшебных фонариках и говорящих страусах.

— Мой бедный муж, — повторяла она в слезах, — неужели добрый гений покинул его?

— Нет, нет, — ответил большой попугай, усевшийся на открытое окно. (Это был Смарагд.) — Гонцы разбойников, Али Бажу и Бен Тамар, — продолжала птица, — сейчас постучатся к тебе. Они потребуют выкупа за Аль Багума. Не бойся, возьми фонарик и закричи: «Танцуй, Али Бажу, танцуй, Бен Тамар, танцуйте все».

В эту минуту в дверь постучали, Медже отворила ее, и на пороге появились люди с отвратительными лицами. Это были Бен Тамар и Али Бажу.

— Вы пришли за выкупом? — спросила их Медже, не дав им времени опомниться. — А не хотите ли лучше потанцевать?

— Что такое? — пробормотали разбойники.

Но тут Медже сжала фонарик и закричала:

— Танцуй, Али Бажу! Танцуй, Бен Тамар, и поколотите палками друг друга по плечам!

Разбойники заплясали, колотя друг друга палками.

— Теперь, — закричала Медже, — пусть танцуют и все разбойники в пустыне.

В это мгновение над пустыней пронесся страшный ураган. Он подхватил Аль Багума, Черныша и всех разбойников, которые стали выделывать в воздухе уморительные па. Ветер нес их к Мекке, и вскоре Аль Багум и разбойники очутились возле Медже.

Она обняла мужа и закричала:

— Ты со мной, и я счастлива, а вы, разбойники, пляшите сто лет.

Бен Тамар, Али Бажу и все остальные снова заплясали, пробежали через Мекку и исчезли за городом.

— Хорошо сделано! — прокричал попугай.

Бедный Черныш влетел в окно, ушибся о притолоку, но стоял и улыбался, потирая лоб.

Аль Багум решил снова пуститься в путешествие. На этот раз с Медже и детьми. Он шепотом попросил фонарик дать ему и его семье все необходимое для долгого пути, и вскоре у подъезда его дома стоял целый караван — лошади, мулы, большие верблюды с паланкинами на спинах, множество черных слуг и седобородый проводник-египтянин. Ахмед и Марджиана были в восторге. Ахмед помог Марджиане сесть в один из паланкинов, а сам вскочил на спину своего приятеля, осла Мука. Медже села на ту же белую верблюдицу, на которую уже взобралась ее дочка. Аль Багум выбрал себе вороного коня. Они простились с Зораидой, которая осталась стеречь дом.

— Слушай, Зораида, — крикнул ей шалун Ахмед, — если ты будешь умницей, я привезу тебе хорошего мужа.

— Почему бы и нет? — сказал Смарагд и уселся на паланкин, который защищал от солнца Марджиану.

Ехали долго. Животные измучились, люди задыхались, но чувство долга поддерживало Аль Багума. Он знал, что его ждет гений, который поможет ему избавить Мука от наказания. Наконец, вдалеке между желтым песком и синим небом появилась зеленая полоска.

— Скоро мы придем к великому оазису Аммана, — сказал египетский проводник.

Оазис походил на зеленый остров посреди моря песка. Тут Аль Багум велел раскинуть палатки и снять с верблюдов, мулов и ослов груз. Лагерь разбили на берегу маленького озера со свежей серебристой водой. Все наслаждались отдыхом, только Аль Багум был озабочен.

— Здесь дворец гения? — спросил он проводника.

— Да, — ответил тот.

В это мгновение попугай сел на плечо Аль Багума и подал ему две золотые дощечки, покрытые словами, составленными из бриллиантов и рубинов. Он прочитал:

— Друг, по велению Аллаха я и мои гении должны улететь на другой конец света, чтобы спасти одного невинного. Вскоре мы вернемся. Осмотри мой дворец и покажи его своей жене и детям. Толпа слуг ждет тебя. И я снимаю с тебя обещание молчать. До свидания. Пусть Аллах хранит тебя. Твой друг Амжиад.

— Пусть его воля исполнится, — сказал Аль Багум.

В ту же минуту из земли поднялся великолепный дворец.

— Войдите, — крикнул Смарагд, сидевший на плече Аль Багума.

Описать великолепие дворца невозможно. Вся свита Аль Багума тоже вошла во дворец. Осла Мука и остальных животных ввели в тенистый внутренний дворик, посреди которого извивался прозрачный, как хрусталь, ручей. Усевшись в одной из боковых галерей, Аль Багум собирался сказать жене и детям настоящее имя своего старого друга Селима, но в эту минуту богато одетый слуга распахнул двери дворца и сказал: «Обед готов».

Медже, дети и Аль Багум вошли в великолепный зал под звуки дивной музыки.

Посреди громадной комнаты стоял стол, заставленный серебряной и золотой посудой. Слуги в экзотических одеждах подавали изысканные блюда. Дети наслаждались всем, особенно же вкусными кушаньями. За кофе, который подали в громадных жемчужинах, выдолбленных внутри и стоявших на блюдечках, сделанных из драгоценных камней, Аль Багум рассказал обо всем, что он видел в гробнице Омара, и о том, что случилось позже.

Вдруг Ахмед и Марджиана в один голос закричали:

— Отец, отец, отведи нас поскорее к ослу Муку.

— Зачем? — спросил Аль Багум.

— Мы должны попросить у него прощения, — сказал Ахмед, — за то, что ему иногда приходилось дожидаться овса или пить недостаточно свежую воду. Кроме того, я дразнил его и щекотал хлыстиком. Ужасно, если господин осел Мук чувствовал себя несчастным из-за меня.

— Значит, — заметил Аль Багум, — вы жалеете, что обращались с ослом недостаточно ласково, только потому, что он был прежде человеком? А разве не нужно заботиться о настоящих животных?

Дети смутились и покраснели. Они быстро выбежали из зала дворца и бросились к ручью, на берегу которого расхаживал осел Мук, пощипывая травку.

— Прости нас, Мук, прости, — сказал Ахмед, целуя его. — С тебя скоро снимут чары, и ты будешь снова говорить все глупости, какие тебе вздумается.

— До тех пор, пока Амжиад не превратит тебя в человека, я буду очень-очень ласкова с тобой, — прибавила Марджиана.

Осел с удивлением посмотрел на детей, и вдруг в его больших глазах заблестели слезы.

Но прошла неделя, а гений Амжиад все не возвращался. Наконец на восьмой день звук колокола возвестил, что гений вернулся. Важный мажордом посоветовал Аль Багуму идти со своей свитой в тронный зал, где его ожидали гении с Амжиадом во главе.

Впереди всех двинулся мажордом, державший в руках жезл из слоновой кости. За ним Аль Багум и Медже, за ними Ахмед и Марджиана, следом шел Черныш, который вел Мука-осла. Амжиад ласково встретил Аль Багума, Медже и их детей.

Аль Багум бросился на колени перед сидевшим на троне Амжиадом и попросил его превратить Мука-осла в человека. Амжиад протянул руку и произнес несколько волшебных слов. Вскоре Мук, заливаясь слезами, склонился перед гением.

Аль Багум смотрел на него с изумлением.

— Неужели ты удивлен, — с улыбкой заметил Амжиад, — что этот человек с откровенным взглядом Мук? Спроси его сам.

— Ах, — воскликнул Мук, — я перестал быть хитрым, безжалостным Муком. Я теперь честный осел, то есть нет, честный человек. Недаром я долго был ослом, добрым, покорным, терпеливым животным. Теперь в меня, кажется, перешли его качества. И я люблю тебя, мой добрый хозяин.

— А все-таки, — сказал Ахмед Марджиане, — мне жаль нашего ослика.

— Ну, — со смехом заметил Мук, — я буду катать тебя на спине, кроме того, можно купить нового ослика.

Вскоре все простились с Амжиадом, который велел им вернуться в Мекку. В эту минуту послышался жалобный голосок из кармана Аль Багума: «А я?»

Говорил фонарик, опечаленный тем, что о нем забыли.

— Я благодарю тебя, — сказал Аль Багум, взяв в руки талисман, — я благодарю тебя за все и возвращаю твоему истинному владельцу. У тебя слишком страшная сила. Человек может злоупотреблять ею. Оставайся же в руках гения. Прощай!

И он передал фонарик Амжиаду.

Тут Медже попросила гения заставить разбойников перестать плясать и дать им стада, чтобы они могли сделаться честными мирными пастухами.

— Исполнено, — сказал Амжиад и прибавил: — Дорогой Аль Багум, мы расстаемся не навсегда. Твой старый друг Селим будет иногда приходить к тебе. Ты не похож на других людей, и я с удовольствием стану тебя навещать. Аллах да хранит вас.

Что сказать еще? Путники счастливо вернулись в Мекку, и добрый и справедливый Аль Багум зажил прекрасно. Маленький Ахмед в шутку предложил Зораиде выйти замуж за Мука, говоря, что недаром он обещал ей привезти мужа из путешествия, но она не захотела обвенчаться с человеком, который так долго был ослом, и осталась со своими друзьями.

